

БОЛЬШЕ СОЦИОЛОГИЙ - ХОРОШИХ И РАЗНЫХ... (О книге Р. Коллинза "Четыре социологических традиции")

Автор: Д. Г. ПОДВОЙСКИЙ

ПОДВОЙСКИЙ Денис Глебович - кандидат философских наук, доцент кафедры социологии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов (E-mail: denis_podvoiskii@mail.ru).

В 1990-е годы у нас в стране появление перевода книги известного зарубежного социолога "из поколения ныне живущих" воспринималось как событие общепрофессионального масштаба. Особое внимание привлекали к себе тексты, которые претендовали на право считаться учебниками или, во всяком случае, могли де-факто использоваться в таком качестве. Популярные фолианты Н. Смелзера и Э. Гидденса формировали первичное представление об "образцах" современной учебной литературы по социологии. Однако российские социологи по ряду причин не были готовы к моментальному освоению подобного жанра при сохранении должного уровня качества в изложении материала¹. Конечно, можно было упрекать авторов американских и британских учебников в поверхностности, эклектизме и стремлении обеспечить потенциальную аудиторию легким чтением. Но унаследованная от прошлого манера "научно-официозных" обществоведческих текстов, независимо от идеологической тональности (или даже отсутствия таковой), едва ли являлась достойной альтернативой "заграничным вольностям".

На исходе первого десятилетия нового века сложилась иная ситуация. Интеллектуальный голод ранних постперестроечных времен сменился пресыщенностью от кажущегося изобилия и избыточного предложения второсортной (и нередко "контрафактной") продукции на рынке идей. Но потребность в качественных социологических текстах широкого профиля по-прежнему остается неудовлетворенной. И если два десятилетия назад они попросту отсутствовали или же не имели хождения в русскоязычном научно-образовательном сообществе, то сегодня мотивированному читателю - студенту, преподавателю, исследователю - приходится затрачивать немало времени и сил на изыскание редкого добротного источника в современном информационном море, так сказать, "на отделение зерна от плевел". В такой ситуации книги учебного предназначения или близкие к ним, написанные авторами с мировым именем, работают как "маркеры", косвенно сигнализирующие о достоинствах текста: мол, такой человек "ерунды" писать не будет, поэтому стоит почитать.

Не всегда крупный теоретик или специалист экстра-класса в какой-то конкретной научной области является хорошим стилистом и мастером "дидактического пись-

---

¹ Из именитых социологов советского времени, пожалуй, более других был предрасположен к работе в данном стиле И. С. Кон, но он к тому времени (конец 1980-х - 1990-е гг.) увлекся иной исследовательской проблематикой.

ма". Но все же подлинными мэтрами социологии, берущиеся за написание "учебников", как правило, достигают на этой ниве значительных результатов. Создаваемые ими тексты в смысловом отношении неизменно профессиональны (даже если и не бесспорны) и ясны, и при этом фундаментальны, наконец, нередко отличаются высоким уровнем литературного изящества. Потенциал такого рода книг трудно переоценить, ведь они настраивают "первоначальную оптику" формирующихся исследовательских взглядов будущих специалистов.

Счет списку примеров здесь идет на единицы. Среди текстов пропедевтического характера, приоткрывающих дверь в увлекательный мир социологии, особо выделяются *"Лодка на аллеях парка"* Пера Монсона, *"Приглашение в социологию"* Питера Бергера и *"Мыслить социологически"* Зигмунта Баумана. Тот, кого эти книги "задевают", "трогают", как сейчас говорят, "цепляют", может, собравшись с мужеством, двигаться дальше. На последующих этапах освоения дисциплины принципиально важно сохранить живой интерес, "вкус" к изучению проблем социологической теории, преодолевая терминологические дебри, частокоры специализаций и конкурирующих концептуальных подходов. Заплутать в лабиринте парадигм, школ и методологий легко. Идеино-тематическое разнообразие на первых порах вызывает шок. К этому добавляется избыточная сложность понятийного словаря, или точнее, понятийных словарей социологии как современной научной дисциплины. И здесь возникают две опасности. Первая - "Сцилла": наука об обществе воспринимается как воздушный замок пустых или недоступных абстракций, а интерес к социальной жизни остывает на уровне повседневности. Вторая - "Харибда": кто научился понимать "птичий язык" и изъясняться на нем, чувствует себя "великим посвященным", избранным, но одновременно нередко теряет способность говорить на языке человеческом. В результате социологическое знание человеку либо не (под)дается и на этом пути отвергается, либо (под) дается, но тогда обремененный / окрыленный полученным знанием ум теряет всякий интерес к миру. Конструктивный диалог между социологией и обществом не складывается, а социологи продолжают сетовать в узких кругах на невостребованность собственной профессии.

Разговоры о современных проблемах социологии могут напоминать вавилонское столпотворение или восточный базар. Именно поэтому новичку здесь необходим "навигатор" и "переводчик". Эти устройства, выражаясь по-лунановски, "редуцируют комплексность", т.е. делают мир менее сложным, доступным для освоения, ориентации и действия. Хорошая книга по социологической теории упрощает разнообразие, но не уничтожает его. Она показывает, чем отличаются идеи друг от друга и в чем они сходны, сравнивает их, преодолевая тем самым огромную терминологическую многоголосицу, указывает на их связи, происхождение, преемственность и изменчивость, слабые и сильные стороны, и т.п.

До недавнего времени в распоряжении российского читателя находились переводы, по крайней мере, трех авторитетных зарубежных комментариев к интеллектуальной биографии западной социологии, причем все три - получившие мировое признание. Это - *"Структура социологической теории"* Джонатана Тернера, *"Современные социологические теории"* Джорджа Ритцера и *"Мастера социологической мысли"* Льюиса Козера. Недавно коллекция пополнилась четвертым экземпляром: в 2009 г. увидело свет русское издание **"Четырех социологических традиций"** Рэндалла Коллинза - книги примечательной во многих отношениях [1].

Р. Коллинз - теоретик топ-уровня и большого спектра интересов, "неовебериец с конфликтологическим уклоном", поборник методологической программы исторической социологии, автор монументальных исследований по социологизированной истории идей и интеллектуальных институций [2], создатель оригинальной концепции геополитики, интерпретатор "коллапса" СССР [3], наконец, ныне действующий (2010) Президент Американской социологической ассоциации². "Традиции", конечно, - одно из многих, но отнюдь не периферийное произведение социолога; учебник, но не только, во всяком случае, - нечто большее, чем просто очередная "компендиум избитых истин в красивой упаковке", предназначенный и ценный лишь для студентов. Данная

---

² Заслуживают внимания три интервью с Р. Коллинзом, опубликованные в ведущих российских социологических журналах [4; 5; 6].

книга представляет своего рода глобальную интеллектуальную карту мировой социологии, в масштаб которой автор вписывает и самого себя.

Первоначально (в 1985 г.) на эту карту было нанесено три части суши - традиции **конфликта, солидарности и микроинтеракции**. Спустя десятилетие (в 1994 г.) из под воды показалась четвертая - связанная с понятиями **обмена и рационального** выбора. Подобная "кластеризация" пространства социологических школ и направлений искусственна, как и все прочие возможные группировки, но так же, как они, имеет свои резоны.

Нередко говорится, что здание современной социологии подпирают три кита - Дюркгейм, Вебер и Маркс. При этом предполагается, что упомянутые фигуры выступают символами стартовых перспектив развития социальной науки в XX веке. Внутри данной тройственной "эмпирической" группировки заключено несколько принципиальных размежеваний парадигмального характера, имеющих в идеальном-типическом представлении структуру "бинарной оппозиции". Так, линия Маркса противопоставляется двум другим в дихотомических форматах: критическая - традиционная теория, публичное - инструментальное знание, политизированное - академическое, радикализм - апологетика. Предельная поляризация обнаруживается здесь в моделях некоторых последователей Дюркгейма и Маркса: "стабилизационный" фокус классической версии структурного функционализма, концентрирующийся на проблемах порядка, интеграции, консенсуса, и его "конфликтологические" альтернативы. С другой стороны, сугубо внутриакадемическая антиномия линий Вебера - Дюркгейма конституируется в многочисленных фундаментальных расколах - субъективизм / объективизм, действие / структура, микро / макро, антинатурализм / натурализм, понимание / объяснение, качественные / количественные методы и т.п. Итоговое наложение перечисленных познавательных моделей и стратегий приводит к образованию искусственных группировок социологических концепций, например, **лагеря 1**. "Конта, Спенсера, Дюркгейма, Парсонса, Лумана ...", **лагеря 2**. "Вебера, Томаса, Мида, Шютца, Гарфинкеля ..." и **лагеря 3**. "Маркса, Хоркхаймера, Миллса, Гоулднера, Дарендорфа ...".

Конечно, причисление очень многих авторских теорий к одному из указанных лагерей было бы принципиально неосуществимой задачей. Скажем, куда поместить Парето, Парка, Мертона, Козера, Гофмана и ... др.? И вероятно, даже названные - "корневые" для пронумерованных традиций - персонажи могли бы чувствовать себя "не слишком уютно" в тех компаниях, которые приготовил для них "охочий до простоты" систематизатор мирового социологического наследия.

Но любые сомнения в обоснованности тех или иных процедур сортировки научных направлений и подходов не должны приводить к признанию полнейшего отсутствия проблемно-тематического единства и преемственности в социологической теории. Утверждения в релятивистском тоне (вроде "социологии ровно столько, сколько социологов") являются объяснимой реакцией на интеллектуальную пестроту. Однако не менее естественным должно считаться и стремление к преодолению хаоса разнородности, настройка оптики на фиксацию "общего" и "типического" в развитии социальной науки (разумеется, без претензии на тотальную унификацию и нивелирование специфики конкретных мыслительных систем).

Что же тем временем нам предлагает Коллинз? Выделяемые им "традиции" вращаются вокруг определенных *образов социальной реальности*. При этом его интересует прежде всего содержательная сторона социологического знания (*что мы видим в обществе?*). Методологические же и эпистемологические аспекты теории (*как мы смотрим?*) в книге почти не обсуждаются. Большим достоинством текста является выраженная сквозная логика повествования, развертываемая в каждой из глав. Конкретные исследовательские направления и подходы как бы нанизываются на единую смысловую ось, а история идей внутри каждой из традиций просматривается магистрально - от трудов основоположников до новейших научных разработок. Во всех четырех случаях взглядам отцов-основателей не приписывается непогрешимости и вневременной прозорливости. Представления науки о любом объекте постоянно совершенствуются и уточняются, поэтому последующие поколения ученых в сравнении с предшествующими оказываются в более выгодном положении. Они могут учитывать совершенные в прошлом ошибки и пользоваться накопленным запасом знания, принимая удобную точку наблюдения на плечах наивных (и порой неосторожных в своих концептуальных шагах) "гигантов мысли" минувших дней.

Коллинз - не просто комментатор истории социологии, он - "практикующий теоретик". У него не просто есть свои "любимчики", он сам - один из тех, о ком ему приходится писать. Его собственный теоретический выбор (даже если читатель об этом заранее не осведомлен) в книге просматривается достаточно четко. Коллинз выступает убежденным сторонником **традиции конфликта**. И даже когда он пишет о других парадигмальных срезах социологической мысли, его то и дело "разворачивает" на поиск точек их соприкосновения с конфликтологической линией, возможностей обогащения и расширения исследовательских перспектив последними средствами, заимствуемыми из иных теоретических программ.

Традиция конфликта в понимании Коллинза не сводится к социологии конфликта как специальному направлению исследований. Она дает особый взгляд на реальность общества, усматривая в нем пространство социальных противоречий, противостояния человеческих групп, столкновения их интересов и ценностей, поле борьбы за материальные и символические ресурсы, проявляющейся в явных или скрытых формах, господства и власти, неравенства и эксплуатации. Эта социология близка по духу "реалистическим концепциям политики". Ее мировоззренческой импликацией (или же предпосылкой) может быть как радикализм, так и пессимизм. Однако в любом случае она отнюдь не благодушна, не терпит "фарисейства" и "фальши" радужных картинок на темы общественной гармонии и согласия. Кроме того, демонстрируемый ею подход в меньшей степени ориентирован на статику и аналитику, и в гораздо большей - на динамику и историю. Вообще, по мнению Коллинза, данная разновидность социологии есть социология *историческая* par excellence. А ее "эмпиризм" подразумевает прежде всего погружение в конкретный исторический материал, рассматриваемый в многообразии своих композиционных сочетаний.

Знакомый с историко-социологической проблематикой читатель столкнется на страницах книги, посвященных традиции конфликта, с рядом "нетривиальных" авторских интерпретаций.

Так, например, Макс Вебер для Коллинза - не "великий буржуазный антипод Маркса", но, скорее, его стратегический союзник. В глазах американского ученого эти немецкие социологические киты подпирают один и тот же столб. Вклад Вебера в разработку проблем методологии социально-гуманитарного познания ("понимающая социология", концепции ценностей, социального действия и идеальных типов) отселяется на периферию его научных достижений. Но именно это делает Вебера в преддверии поколений исследователей, шедших по его стопам, отцом-основателем интерпретативной социологии, предтечей линии Мида - Блумера - Шютца - Гарфинкеля - Бергера - Лукмана. Однако Коллинз не отдает Вебера интеракционистам и феноменологам. Также намеренно заглушается и культур-детерминистская нота в веберовском наследии. Поэтому в книге Вебер позиционируется, прежде всего, как создатель многомерной модели стратификации, экономический и политический социолог с историческим уклоном, наконец, как социолог знания, подвергающий виртуозному анализу связи интересов и ценностей (в том числе религиозных), материально-практической и духовной сторон жизни, конкретных групп в прошлом и настоящем человеческих обществ.

В творческом тандеме Маркса - Энгельса, образующем осевую позицию в традиции конфликта, Коллинз отдает предпочтение Энгельсу [1, с. 70 - 96]. Такая расходящаяся с общепринятыми представлениями трактовка обладает интригующим потенциалом, способным побудить заинтересованного читателя к углубленному изучению нюансов интеллектуальной истории классического марксизма. Коллинз, пытающийся вывести Энгельса из тени, не оспаривает весомость научного авторитета Маркса. Не все концептуальные элементы марксистского учения одинаково ценны для социологии. И если Маркс предстает в коллинзовском "нарративе" одновременно экспрессивным политическим доктринером, сухим экономистом-теоретиком и акробатом гегельянской диалектики, то Энгельс, скорее, ученым-социологом в современном смысле, расположенным к постановке и разрешению обзримых исследовательских задач, выдвигению и проверке научных гипотез. В частности, Энгельсу приписывается заслуга по открытию проблематики сексуальной стратификации, ставшей в XX столетии одной из ключевых тем для социологии гендерных отношений.

Вероятно, неслучайно, что Коллинз выносит обсуждение функционалистского взгляда на конфликт, производного от идей Г. Зиммеля и Л. Козера, "в приложение" к основному тексту главы [1, с. 127 - 132]. Данный подход для Коллинза - нечто вроде

инородного тела в структуре традиции, которой он явно симпатизирует. Американский социолог видит в борьбе и противоречиях оборотную сторону отношений господства, их возможный, иногда неминуемый исход. Конфликт потенциально динамичен, он преобразует систему, выводит ее из состояния равновесия. Функционалисты же, напротив, выставляют конфликт (хотя и не всякий) средством поддержания и воспроизводства социального порядка. Коллинз полагает, что конфликты происходят, прежде всего, из-за "нешуточных" причин - столкновения интересов и позиций сторон, продиктованных теми или иными объективными обстоятельствами их совместного существования.

Мысль Зиммеля, что конфликт может быть продуктом "неискоренимой человеческой вредности", порождающей отношения враждебности, Коллинзу глубоко неприятна. Склонный к экстерналистским объяснениям он распознает в ней влияние личной биографической ситуации Зиммеля, вращавшегося почти всю жизнь в кругах берлинского эстетствующего бомонда³, впитавшего дух этой среды и отразившего его в своих произведениях. Подобный фон не только проливает свет на отношение к конфликту как к игре, "увлекательному полусерьезному времяпрепровождению", но и, кажется, отчасти объясняет избирательность тематики многих зиммелевских работ и их стиля (мода, "общение ради общения", проституция, деньги, отношения полов, женская культура, флирт, кокетство; эссеистическая манера изложения). Хотя все же, несмотря ни на что, коллинзовские квалификации Зиммеля как "мелкого мыслителя" кажутся вряд ли оправданными.

Обсуждение трех других традиций из книги Коллинза заслуживает не меньшего внимания. **Рационально-утилитарная традиция** выстраивает социологически значимые концептуализации человеческого действия, описываемого при помощи различных "эконом-центристских" моделей - рынка, контракта, обмена, оценки рисков, соотношения целей и средств, издержек и прибыли, наград и наказаний, и т.п. Исходное предположение о рациональном характере поведения социальных акторов, преследующих свои эгоистические интересы, в более поздних версиях данного подхода постепенно модифицируется и смягчается, обрастая большим количеством оговорок. Таковы, например, соображения, касающиеся "ограниченной рациональности", непредвиденных последствий поступков и недостаточности информации для их адекватного прогнозирования, указания на стремление к снижению конкуренции, выбор не идеально-оптимальных, а удовлетворительных жизненных стратегий, признание сложной логики функционирования организационных и институциональных сред, выступающих "рациональными агентами" особого рода. Эта линия социальной мысли генетически связана с британским утилитаризмом, либерализмом и индивидуализмом и находит свои ранние воплощения в трудах Локка, Мандевилля, Адама Смита, Бентама и Дж. Ст. Милля. Ее развертывание и уточнение прослеживается в американской науке XX века, например, в теориях социального обмена и рационального выбора.

Третья традиция из выделяемых Коллинзом - "**дюркгеймовская**" - бьется над фундаментальной проблемой порядка, пытаясь открыть формулу "социального клея", цементирующего изнутри человеческие коллективы. Ее представители стремятся вывести "закон социальной гравитации" и объяснить тем самым феномены духовного притяжения частиц, образующих "материю" социальных тел. Фактически речь здесь идет об изучении механизмов воспроизводства солидарности в простых и сложных обществах, а также роли коллективных форм мышления, верований и ритуализированных практик, конституирующих нормативную организацию социальной жизни.

Сущностным ядром четвертой - **микронтеракционистской** - традиции является комплекс теорий, описывающих процессы повседневного взаимодействия индивидов "лицом к лицу". Данную проблематику делят между собой последователи школы Гуссерля - Шютца, с одной стороны, и продолжатели линии, идущей от Мида, Кули и классиков философии прагматизма, с другой. Ирвиг Гофман играет на этом же поле, хотя его игра в значительной степени ориентируется на логику дюркгеймовской научной программы.

У каждой из упомянутых традиций есть своя условная "малая Родина". Если перечислять последовательно, то для первой (конфликта) таковой выступает Герма-

---

³ Как сказали бы сегодня - "гламурной тусовки".

ния, для второй (рационально-утилитарной) - Великобритания, для третьей (дюргеймовской) - Франция, и, наконец, для четвертой (интеракционистской) - США. Также каждая из них в процессе собственной идейной эволюции связывала себя долговременными альянсами с рядом смежных дисциплин: в приведенном выше порядке - с историей, экономикой, этнологией (социальной / культурной антропологией) и социальной психологией. Правда, социология рубежа XX-XXI вв., - констатирует Коллинз, - на мировом и национально-региональном уровнях успешно преодолевает подобного рода ограничения и рамки, оставляя их в прошлом.

Исключительно информативным и концептуально насыщенным является пролог книги. В нем Коллинз направляет зрачок социологии на ее собственное далекое прошлое. Он задается вопросами: при каких исторических (прежде всего, институциональных) условиях оказывается возможным само существование знания об обществе как особого рода занятия или профессии, и в какой мере на судьбах социальной мысли сказывались изменения в положении ее производителей-интеллектуалов?

В эпилоге Коллинз заявляет, что описанные им традиции следует рассматривать, в конечном счете, лишь как "удобные фикции". Реальное развитие социологии представляет собой многоцветный поток, постоянно перемешивающий "краски" и "тона" конкретных теоретико-методологических направлений, научных школ с их конкурирующими логиками и объяснительными моделями в различных пропорциях и комбинациях. И сегодня более, чем когда-либо. Обозначенную тенденцию Коллинз считает позитивной, облакая ее в финальном абзаце книги в форму классического назидания: "Прогресс в достижении более фундаментальных истин осуществляется через столкновение идей. В этом процессе можно избавиться от слабостей одного круга идей и интегрировать его сильные стороны с сильными сторонами других традиций" [1, с. 302].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коллинз Р. Четыре социологических традиции. М.: Издат. дом "Территория будущего", 2009.
2. Коллинз Р. Социология философий: Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002.
3. Коллинз Р. Макросоциологическое предсказание: пример коллапса СССР // Социологический журнал. 2008. N 3, 4.
4. Интервью с профессором Рэндаллом Коллинзом // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. VII. N 1.
5. Коллинз Р. Мой путь в социологии // Социол. исслед. 2006. N 11.
6. Интервью с Рэндаллом Коллинзом // Социол. исслед. 2010. N 3.